

О СУЩЕСТВЕ ГРАНИЦЫ

Т.Ю. Денисова

Сургутский государственный
университет

denisovasever86@bk.ru

В статье предпринимается попытка тематической проблематизации категории границы. Отнесение категории границы к онтологическим основаниям, началам вещей, амбивалентность природы самой границы и при этом иллюзия самоочевидности понятия являются факторами, затрудняющими прояснение ее метафизической сущности.

В качестве способа раскрытия сущности феномена автор предлагает анализ ее свойств и связей с другими онтологическими категориями: бытия и ничто, времени и пространства, целого и части, становления и пребывания, имманентного и трансцендентного. Рассматриваются функции границы в структурировании и порядке целого, а также в определении места, назначения и смысла сущего. Подчеркивается роль границы как условия существования вещей и условия их познания. Исследуется проблема реальности границы, которая сама является стыком реальностей.

Ключевые слова: бытие, время, граница, небытие, ничто, предел, пространство, сущее.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-53-64

Лишь в своей границе и благодаря
своей границе нечто есть то, что оно есть.

Г.В.Ф. Гегель

Проблема понятия границы

Человеку свойственно видеть, чувствовать, оценивать мир, в который он погружен физически, с *элементами* которого он вступает во взаимодействие и который при этом пытается осмыслить как *целое* – именно как мир – с точки зрения двух стихийно возникающих интуиций: во-первых, того, что все в мире имеет отношение одно к другому и к человеку, человеческой сущности, ко *мне*; а во-вторых, что все в мире поделено на «то» и «это», все состоит из отдельных вещей, имеющих собственную сущность, назначение и имя.

Они кажутся противоположными, эти две позиции, однако лишь на самое поверхностное усмотрение. Отчетливая отдельность, четкие очертания вещей, раз-

деленность между собой обеспечиваются границами вещей. Но вместе с тем и ненарушимая целостность и устойчивость мира обязаны своим существованием границам вещей, которые, разделяя сущее, задают структуру целого, встраивают отдельное в это целое, давая отдельному тем самым место, назначение, смысл, делая его необходимым, неслучайным.

Универсальность категории границы побуждает отнести ее к разряду тех, что у всех «перед глазами», но необозримое богатство контекстов ее использования требует, в качестве первого шага, хотя бы чернового наброска спектра ее тематической проблематизации.

Говоря о чем угодно – явлении, процессе, вещи, – мы исходим из того, что оно

есть и мы знаем, что оно *есть такое*, каково оно, можем определить, что это. Определить – значит обозначить пределы, ограничить, отграничить, отделить, поместить в определенное место. Любое нечто, чтобы быть собой, характеризуется отдельностью (не-слиянием с иным), сущностью (т. е. определенностью) и целостностью (иначе бы оно было частью другого нечто или само состояло бы из конгломерата других нечто). Все три названных качества задаются границами, пределами. Граница дает объекту возможность быть, возможность быть чем-то и возможность быть опознанным, узнанным как именно это. Но что такое сама граница?

При всей кажущейся «самопонятности» (либо именно по этой причине) граница – одно из таких понятий, дать определение которым, не поддаваясь искушению ничего не проясняющего повторения («граница – то, что ограничивает, отграничивает»), оказывается весьма непросто. Даже Сократу со всей его педантичностью в отношении прояснения понятий здесь не удастся миновать тавтологии: «То, чем ограничивается тело, есть его очертания. Очертания – это граница тела» (Менон, 76a) [7, с. 582]. Почему же, живя в мире границ, при попытке определения что есть сам предел, граница, мы сталкиваемся с когнитивным тупиком?

С подобным затруднением мы встречаемся, пытаясь прояснить суть таких категорий, как бытие, время, пространство, число. Ускользание от логических манипуляций, связанных с их определением, объяснимо тем, что они относятся к «самоосновным», как называл их М.К. Мамардашвили [6, с. 43], неразложимым на части категориям, то есть к *началам всех других* вещей, к их онтологическим основаниям, определя-

ющим и обуславливающим их сущность. «Начало – есть нечто, – писал Г.В.Ф. Гегель, – не поддающееся анализу, и его нужно рассматривать как *бытие*, как то, что совершенно пусто» [5, с. 61]. Начало – это нечто лишенное определенности и представляющее собой пока лишь интенцию стать чем-то. Быть в начале – значит соединить собой лишенное всякой определенности пока-небытие и становящееся, а значит, также не определенное, а лишь стремящееся к определенности уже-бытие сущего. Гегель определяет начало как неразличенное единство бытия и небытия [5, с. 59].

Отнесение категории границы к онтологическим началам может быть осуществлено по следующим основаниям.

Во-первых, невозможно быть, не будучи чем-то. Быть – значит быть чем-то определенным. С самой формальной, грамматической точки зрения быть чем-то определенным означает быть ограниченным пределами (о-пределенным). Быть – значит отделиться, отграничиться от бесконечных возможностей бытия (то есть быть чем-то означает не быть другим), самоопределиться, сбываться в качестве чего-то конечного, отдельного, обладающего набором специфических (этих, а не любых других) свойств, отличного и от любого другого, и от других возможностей себя.

Кроме того, бытие сущего в определенном качестве предполагает соотношение, соразмерность с другими сущими и бытием в целом. Самоопределение и исполнение сущего обусловлено его обладанием пространственной, временной, количественной, качественной определенностью, сопоставимой с другими сущими – местом среди других мест, сроками среди других отрезков времени, мерой величины, сравнимой с другими величинами, назначени-

ем в пределах целого. По мысли А.В. Ахутина, «каждое сущее есть в той мере, какая ему отмерена соразмерностью целого и в какой мере оно эту меру исполняет. Чрезмерность, неполная мера или несоразмерность существования – неуместность, несвоевременность, неподходящее усилие или негодное отношение не позволяют сущему сбываться самим собой» [2, с. 149].

А во-вторых, ничто не может быть познано и понято вне границ. Бытие дает о себе знать, только структурируясь (обретая границы) в вещах, событиях, языке, именах, то есть в отдельном. «Можно ли постигнуть истину того, что не постигается как сущность?» – задается риторическим вопросом Сократ в диалоге «Геэтет» (Геэтет, 186с), предполагая отрицательный ответ [8, с. 244].

Но любая сущность – не все что угодно. Можно ошибиться в ее определении, но важнейшим условием самой попытки этого определения является ограничение. Очевидно, что для того чтобы быть узанным, распознанным, понятым, названным, нечто должно быть отделено от спонтанности целого и отлечено от любого другого. «Правильное мнение о каждом предмете вращается около различия (или в другом переводе – «Правильное мнение о каждой вещи касается и отличительного признака»), – говорит Сократ (Геэтет, 209d) [8, с. 273]. Чтобы определить, понять, что это такое, нельзя просто перечислить части, из которых оно состоит: так Сократ приводит пример о ста деталях колесницы у Гесиода, которые ни по отдельности, ни вместе не выражают сути колесницы. Чтобы заключить, что такое это нечто, необходимо отличить его назначение, сущность, свойства от других предметов.

Соответственно, граница является как необходимым условием бытия любого су-

щего, так и условием познания этого сущего и условием его дефиниции.

Однако владение правилами определения как логической операцией оказывается бесполезным при попытке определить категории, относимые к началам. Начала вещей нельзя объяснить ни через родовую принадлежность, ни через видовые признаки, ни через сферу применения (потому что она не имеет пределов и охватывает все сущее). Что же можно знать о том, что касается всего и ни к чему конкретному специально не привязано, а потому, как бы парадоксально ни звучало это в отношении пределов, лишено определенности, что необъяснимо через перечисление конкретных сущих и их свойств; каким образом его можно знать и можно ли знать вообще? Не обречено ли это предприятие на неудачу с самого начала?

Препятствиями к познанию «самоосновных» категорий являются одновременное признание «самоочевидности» начал и, следовательно, того, что сама задача дефиниции кажется излишней, – и несоразмерность проблемы начал человеческим гносеологическим возможностям: «Смертным известно о настоящем. Богам – начала и их концы...» (К. Кавафис).

Тот факт, что мы используем понятие границы, не углубляясь в анализ сути этого феномена, объясним стремлением иметь аксиоматические основания дальнейших построений. Попытки поиска оснований оснований внушают нам опасение принципиальной незавершенности процесса, поскольку анализ «самоочевидных» понятий превращает их из аксиомы в теорему, подвергает риску крушения не только любую конструкцию (сколько угодно стройную и конвенционально прочную в глазах сообщества), но и саму возможность воз-

движения. В результате «Ахиллес не только не догонит черепаху, но и не сдвинется с места».

На необходимость возвращения к пояснению «общепонятных» вопросов о началах указывает, отправляясь от Платона (Софист, 244а) [9, с. 310], М. Хайдеггер. Приводимый им перечень предрассудков, связанных с отказом рассматривать проблему бытия, включающий такие, как его предельная общность – и в силу этого неопределимость, – общепонятность, само собой разумеющийся смысл и, следовательно, отсутствие нужды в объяснениях [11, с. 3-4], может быть в том же составе отнесен и к проблеме границы как проблеме начал, сущности и способа существования сущего. Кстати, перечень этот не потерял актуальности и сегодня: эти предрассудки и сейчас «живее всех живых» в разделах учебников и энциклопедических статьях. Иллюзия самоочевидности при попытке рассмотрения природы границы приводит нас в ту же ловушку, что и Августина Аврелия, удивлявшегося, что он *понимает*, что такое время, ничуть не затрудняясь, *пока его об этом не спрашивают*, – то есть пока не требуется *объяснить*, что это такое.

О категориях, относимых к началам, мы можем сказать, что мы их *понимаем* до того, как *знаем*. По словам В.В. Бибихина, «к началам вещей можно прикоснуться не рассудком, а умным чувством...<...> начала вещей устроены так, что их нельзя усвоить, а можно только почувствовать, идя на весь тот риск, каким человеку грозит чувство» [3, с. 100, 102].

Знать – значит мочь расчленив на составные части, объяснить связи между ними, привести аргументы, представить в виде цельной конструкции. Понимание же нерасчленимо, и любая попытка его раци-

онализировать и объективировать в языке наталкивается на ощущение упущения главного, искажения. Понять вещь – значит проникнуть в нее, увидеть ее изнутри, совпасть с нею, стать ею. Узнать – увидеть извне, как объект, отдельный и отличный от познающего субъекта; потому-то знание претендует на объективность, в отличие от понимания. Невозможно «объективное понимание», поскольку понимание не видит в вещи внешний объект; напротив, вещь становится частью субъекта. Оно необъективно еще и потому, что интимно, лично и потому с трудом находит в общем языке адекватную формулировку. Оно молчаливо, но не молчанием неведения, а молчанием захваченности, целостности и полноты проникновения. Схватить что-то пониманием и выразить в языке – процессы, не совпадающие и в смысле одновременности, и в смысле адекватности интерпретации (потому что даже выражая собственную мысль, мы уже ее интерпретируем, более или менее удачно). Артикуляция мысли в знании всегда сопряжена с редукцией к базовому смыслу, усечению связей и ассоциаций, отсечению умолчанного и случайного (необязательного), с предпочтением привычных и общепонятных мыслительных схем. Понимание, молчаливое и непосредственное, с одной стороны, лишено этих недостатков, а с другой, всегда останется под вопросом меры его адекватности и глубины. Известная фраза Л. Витгенштейна «О чем нельзя сказать ясно, о том следует молчать» выражает общую для европейской мысли интенцию рационализировать «схваченное» в объективно существующих языковых схемах (не случайно *veritas* – истина – восходит этимологически к понятию *var* – слову, сказанному прорицателем во время ритуала; то есть истина, чтобы стать исти-

ной, должна быть сказанной, проговоренной).

Попытка прояснения метафизической сущности границы представляет собой направление интуиций «понимающего чувства» в дискурсивное русло, при полном осознании этого риска: дискурс предполагает редукцию, категория же, претендующая на отнесение к онтологическим началам, нередуцируема, она может быть сведена лишь к самой себе. Рассмотрение феномена границы невозможно без включения его в общую архитектуру основополагающих онтологических вопросов и категорий вопросов, таких как бытие и небытие, пребывание и становление, нечто и ничто, целое и часть.

Что представляет собой граница, какова ее природа? Какими свойствами она обладает? Как проявляет граница свои свойства в отношении экзистенциального и социального бытия, в сфере человеческого?

Что значит быть в границах? От чего отделяют границы любое нечто – от другого нечто, от ничто? Что представляет собой это бытие нечто в границах – пребывание или становление? Является ли граница местом перехода одного в другое или их простого разделения? В каких отношениях она находится с нечто, которое она отделяет и определяет, и с другим, находящимся за пределами нечто (будь это ничто или другое нечто)? Является ли сама граница нечто?

Каковы отношения границы с Целым, внутри которого она выделяет, автономизирует нечто? Является ли нечто, включенное в Целое, само целым, и какую роль в этой целостности играет граница?

Фактически все это ветвящееся многообразие вопросов вырастает из двух основных: как именно граница обеспечивает су-

ществование разнообразного сущего и как она, существуя отличным от вещей, которым дает возможность быть, образом, вообще есть. Попробуем далее вкратце рассмотреть существо феномена границы с позиции сформулированных вопросов.

Проблема реальности и способа существования границы

Первый вопрос, который возникает в связи со свойствами границы (особенно если продолжать держаться иллюзии ее «самопонятности»), касается ее опытной, чувственной доступности. Является ли граница эмпирически верифицируемой, видимой, осязаемой? Нам кажется, что да: ведь мы отчетливо понимаем, где *это* (нечто) начинается и заканчивается, где оно отделено от другого нечто. Но в действительности мы видим одно и другое нечто и не видим саму границу. Будучи стыком реальностей, она побуждает усомниться в собственной реальности. Возникает закономерный вопрос: «если предел, определенность, форма заключает в себе суть бытия каждого сущего, то что заключает в себе бытие самого предела?» [2, с. 749]. Лаконичная формулировка А.В. Ахутина продолжает традицию вопрошания античных мыслителей (Зенона, Сократа в платоновской трактовке, Аристотеля) о сущности, природе границ тела, границ его *места*.

Поскольку вещи, процессы, явления имеют границы, следовательно, граница есть. Но *как* она есть?

Граница, отделяя одно от другого, находится «где-то», проходит «когда-то», то есть имеет безусловное отношение к времени и пространству, именно она делит время и пространство на отрезки. Но при этом граница не обладает ни длительностью времени, будучи точкой «теперь», ни протяжен-

ностью пространства. Любая сущность, гранича с другим и связываясь с этим другим именно границей, не переходит в него постепенно, начинаясь и кончаясь «вдруг». Переход одного в другое происходит в момент времени, не имеющий длительности, в точке, не имеющей протяженности, и тем самым обладает реальностью, ускользя при этом от всякой возможности эмпирической верификации. Точка перехода, разделяя время на отрезки, пространство на герметично замкнутые части, давая отдельное место различным сущностям, является стыком реальностей, сущностей, но не представляет отдельного нечего, отдельной сущности, не давая возможности удостовериться в собственной реальности.

Разделяя собою два нечего, она не принадлежит ни тому ни другому, не является их частью (как, например, скорлупа ореха: отделяя ядро от внешней среды, скорлупа играет роль границы внутреннего пространства ореха, но при этом и сама представляет собой нечего, даже расколота и без ядра). «Не третья ли она сущность, – задается вопросом А.В. Ахутин, – грозящее к тому породить бесконечное множество следующих, или же она есть (?) именно не-сущность, с необходимостью ставшее существовать, как у атомистов. Более того, небытие как нечего настолько присуще существованию самого бытия, что без него немислимо (и не существует) ничто из того, что существует» [2, с. 749].

Разделяя собою нечего и ничто, она не обладает ни бытием, ни небытием – мы не можем сказать, что граница принадлежит ничто, поскольку она не принадлежит ничему. По сути она иноприродна чему бы то ни было сущему, при этом не будучи тождественна ничто. Однако утверждение о ее иноприродности сущему (при несомнен-

ном наличии в бытии) провоцирует два взаимосвязанных вопроса: во первых, о ее функции в бытии целого, а во-вторых, ее роли в существовании сущего как конкретного нечего.

Остановимся последовательно на каждом из них.

Роль границы в структуре бытия (целого)

Предел, граница двояко связаны с проблемой целого: заключение в границы, с одной стороны, отделяет нечего не только от любого другого, но и от целого (при этом не просто вычленив из целого, а давая ему место в целом, соразмеряя его с целым), а с другой стороны, связывает это нечего изнутри, придавая ему завершенность, а значит, смысл целого.

Но что значит граница для самого целого? Если мы имеем в виду внутренние границы, пересекающие целое, встает вопрос о цельности целого. Если же мы говорим о внешней границе, это означает наличие чего-то еще, кроме этого целого, следовательно, целое перестает быть единым, всем. Не означает ли это также, что оно перестает быть и целым, то есть тем, к чему нельзя больше ничего прибавить?

Первое, что приходит в голову после апории бытия и сущего, замеченной Платоном, о том, что бытие, представляющее собой все, отстранено от мира сущего, включенного во все, это апория о том, как бесконечное бытие может быть составлено из конечного сущего. Парменид, в отличие от Мелисса, представляющего в своих рассуждениях бытие как нечего ускользящее от понимания, логически невозможное, мыслит бытие как доступное пониманию, определяемое через присущие ему знаки (непрерывное, неподвижное,

нерожденное и не подверженное гибели, однородное, целокупное) [10, с. 290–291]. Именно эти знаки бытия представляются Пармениду достаточными и необходимыми потому, что они указывают на качества, противоположные качествам сущего физического мира, именно они лучше всего обнажают отличие вещей физического мира от бытия как подлинного сущего. Эта идея развивается М.Н. Вольфом: эти знаки таковы, пишет он, что «ни один (...) не может быть применен ни к одному феноменальному объекту этого мира: все эти знаки, а по сути – существенные характеристики, предикаты, специфически приложимы только к одному объекту, который не имеет ни пространственных, ни временных характеристик» [4, с. 100]. Однако нас интересует в данном случае сравнение бытия и сущего с точки зрения их отношения к проблеме границ. Если сущее невозможно без границ и становится собой, лишь находя свои пределы, ограничивая себя мерой, обретая форму, значит ли это, что бытие не имеет отношения к миру мер, что оно безмерно, безгранично, неопределенно? Распространенной идее бытия в виде протяженного, бесконечно развертывающегося в перспективу нечто, не заключенного в пределы и, следовательно, не представляющего собой целого и неопределимого (о нем можно сказать только то, что оно – «все»), недоступного осмыслению, противостоит парменидова модель сферического бытия.

На первый взгляд, мы находим у Парменида подтверждение противопоставлению свойств бытия свойствам составляющего его сущего: бытие целокупно и однородно, т. е. лишено внутренних границ, и оно единственно (едино), а значит, не нуждается во внешних границах, которые нуж-

ны были бы для отличения и отделения его от иного, которого нет.

Однако это можно понять и иначе. Во-первых, Парменид не утверждает, что в бытии, которое «все наполнено сущим» и «тем самым непрерывно» (фр. 8, 24–25) [10, 296–297], отдельные сущие не разграничены отличиями: между ними лишь нет пустот, небытия, а границы, как мы выяснили ранее, иноприродны и бытию, и небытию, и у Парменида лишь благодаря наличию границ между сущими имеет смысл говорить о том, что «сущее примыкает к сущему». Во-вторых, целостность бытия подразумевает его завершенность и законченность, и Парменид неоднократно указывает на это его качество, признавая, что бытие находится «в границах великих оков» (фр. 8, 26), что «неодолима Анаanke / Держит [его] в оковах предела [границы], который его запирает-объемлет, / Потому что сущему нельзя быть незаконченным. Ибо оно не нуждается ни в чем» (фр. 8, 30–34) [10, с. 297].

Следовательно, внутренние границы между сущими не нарушают целостности бытия, а внешние границы обеспечивают эту целостность: бытие с необходимостью обладает внешней границей и потому, что оно есть целое, и потому что оно представляет собой все. Бытию как *целому* граница обеспечивает гармонию, структуру, порядок, единство его частей; бытию как *всему* гарантирует невозможность нехватки. При этом граница проявляет странную особенность: она замыкает бытие в самом себе, но не связывает с чем-то другим, лежащим по ту сторону границы: «той» стороны у границы бытия, собственно, нет. «Все вполне достигается только на *пределе*, на *границе с вне*», – пишет А.В. Ахутин [2, с. 705]. Но что вне? Неизвестное, невыразимое, то, о чем можно сказать только, что его нет, т. е. это то,

что отсутствует в бытии. Но если возможно отсутствующее, значит, бытие не полно, не целостно, не завершено. Как преодолеть эту апорию?

У Парменида есть ответ на этот вопрос: «Созерцай умом отсутствующее как постоянно присутствующее» [10, с. 288]. Что же это такое – отсутствующее? Это скрытое, неявное, бывшее, затерянное «во временах и пространствах», но включенное в общий план бытия мышлением. Это то, что нельзя обнаружить здесь и теперь через проявления физических качеств, но можно помыслить. Бытие тем самым – не абстрактная категория, а совокупность сущего, причем такая совокупность, в которой все бывшее и будущее присутствует одновременно и целиком, и ничто, таким образом, не отсутствует. Это совокупность, схваченная, собранная в пределы мыслью, то есть пределом бытия становится помысленное, высказанное, понимаемое. «Собирая логосом сущее в единство бытия, мысль сама собирается в единство ума, граничащего только с не-логичным, не-мыслимым, не-сказуемым – ничто» [2, с. 706]. И тогда пределы бытия либо теряют всякую определенную локализацию, поскольку невозможно определить ни расстояние от центра до «крайнего предела», ни сравнить степень удаленности различных точек бытия от центра или «крайнего предела» («Но поскольку есть крайняя граница, оно закончено / со всех сторон, похожее на глыбу совершенно-круглого Шара, / везде [в каждой точке] равносильное от центра» (фр. 8, 42–44)) [10, с. 291]; либо они включены в бытие, как утверждает, в частности, А.В. Ахутин: «Бытие безначально и нескончаемо не потому, что начало и конец удалены в бесконечность, а потому, напротив, что они включены в полноту» [2, с. 707]. В том и со-

стоит специфика границ бытия, что они замыкают в себе помысленное и мыслимое, но не отделяют его от невысказанного, поскольку сама мысль о возможности невысказанного включает невысказанное в сферу помысленного. Тем границы бытия принципиально отличаются от границ сущего.

Роль границы в существовании сущего

Мы утверждаем, что без границ нечто не было бы собой. Любое нечто обретает свои свойства, лишь будучи заключенным в границы. Однако при этом вряд ли можно всерьез предположить, что граница играет активную роль в смыслообразовании содержания сущего, содержит сущность этого конкретного сущего. Очевидно, что граница вторична по отношению к телу в том смысле, что *служит* ему. Да и грамматически их связь выражает это подчинение: «граница тела», но не «тело границ» – говорим мы.

Но вместе с тем тело не может существовать без границы; его нет, если оно не обладает границей, а значит, сущностью, определенностью. Тело не может ни существовать, ни даже быть помысленным вне его границ. А граница? Мы можем помыслить линию безотносительно к тому, что она разделяет, мы можем говорить о точке начала и конца безотносительно к тому, что именно с нее начинается или кончается, или что ею разделяется (отрезки на прямой, периоды времени, действия), понимая, о чем идет речь. Тело обладает сущностью, говорит Аристотель, но в меньшей мере, чем плоскость, а плоскость – в меньшей мере, чем линия, а линия – в меньшей мере, чем единица и точка: «Ибо они придают телу определенность, и они, видимо, могут существовать без тела, тогда как тело

без них существовать не может» (Мет. III 5 1002 а 3-7) [1, с. 115]. Меньшая сущность телесного, по-видимому, состоит в его временности, в то время как границы (формы, идеи) сохраняют свою *непреодолимую* способность определять, оформлять и тем самым давать возможность существования сущему. На примат границы перед сущим указывает и А.В. Ахутин: «...мир устроен пределами, ограничивающими границами, рубежами, сроками, мерами, числами, формами – в пределе – *точками*, то есть тем, что по своему бытию принадлежит-и-не-принадлежит сущему, определяемыми ими к бытию» [2, с. 749].

Однако границы не просто замыкают в себе любое конкретное сущее. Нечто не только пребывает в границах, но в них и возникает (из ничто), становится, трансформируется, исчезает.

Размышляя о движении объекта к себе в процессе становления, мы сталкиваемся еще с одним противоречием.

Граница соединяет две важнейшие и необходимо связанные стороны объекта – его «есть» и его «что». Быть – значит быть чем-то, обладать определенностью, быть сущим в собственной «этости», «чтойности», «такости». Нельзя быть вообще. Но при этом не вполне ясно, что происходит с нечем, заключенным в границы – оно, будучи готовым, просто присутствует в них или становится? С одной стороны, наличие границ означает, что нечто уже есть и, следовательно, определено – т. е. не просто очерчено пространственными или временными пределами существования, но и обладает сущностными признаками, и быть в границах – значит соответствовать набору этих признаков. Но граница – не тюремщик объекта. Задавая сущностные признаки объекта, она «знает», чем он должен

быть, но поскольку бытие любого сущего *не* неподвижно, *не* неизменно, она «знает» также меру изменений объекта, придающую ему определенность и завершенность. В соответствии с гегелевской характеристикой меры переход от одного качества к другому, в сущности, и является ответом на вопрос «Что значит быть?»

Отсюда возникает вопрос: становление объекта, движение к своему «что» происходит внутри его границ или вне? То есть получается, что граница одновременно определяет наличное «что» объекта и задает вектор его потенциального развития, а самое главное – представляет собой ориентир всех его движений внутри его «что» и горизонт его трансцендирования. Поскольку даже в процессе трансцендирования, движения объект остается собой, сохраняет свою чтойность, одновременное совпадение и различие наличного и возможного объекта создают иллюзию «толщины» границы, которой она в действительности не обладает. Граница отделяет наличное (уже нечто) от возможного (пока ничто).

На двойственную природу начала, являющегося границей, обращал внимание Гегель, размышляя о природе становления: «Пока что есть ничто и должно возникнуть нечто. Начало не есть чистое ничто, а такое ничто, из которого должно возникнуть нечто: бытие, стало быть, уже содержится в и в начале. Начало, следовательно, содержит и то и другое, бытие и ничто, иначе говоря, оно не бытие, которое есть в то же время бытие, и бытие, которое есть в то же время и небытие» [5, с. 59].

Выводы. Уже в процессе поверхностного обзора, еще до всякого детального разыскания, мы с неизбежностью обнаруживаем антиномичность любых суждений

о границе, и причиной этого является не логическая или семантическая беспомощность исследователя, а имманентно присутствующая феномену глубокая диалектическая сложность и многослойность, его органичное вращение в самое существо важнейших онтологических вопросов. Амбивалентность границы в конечном итоге остается единственной «самоочевидностью» в понимании ее онтологического смысла в бытии существующего. Благодаря границам в пространстве есть вещи, отдельные места, формы; благодаря границам во времени существуют начала и концы процессов, благодаря которым нечто становится собой. При этом, давая возможность бытия любому существу, существуя в бытии и обуславливая бытие, сама граница в не меньшей мере связана с творящим небытием, не принадлежа ни тому ни другому.

Граница – условие сущности, связи, отдельности, уникальности, отделенности, включенности, устойчивости, трансцендентности, содержательности. Заключенное в границы нечто оказывается отделенным этими границами тройным образом. Во-первых, граница различает нечто от другого нечто, с которым оно может быть связанным, но не смешанным; во-вторых, она разделяет нечто и его отсутствие, то есть нечто и ничто это нечто; в-третьих, она отделяет нечто как подтвержденное бытие от небытия. На границе то и другое не просто смыкаются, соседствуют, но и являются условием друг друга. Отдельность и особость другого, заданные границами, само наличие *другого* обуславливают отдельность и особость *этого*. Изолированное, автономное бытие какого-либо объекта было бы тождественно небытию, и не потому, что было бы никем не воспринимаемо, а потому что не имело бы значения ни для другого объ-

екта, ни для целого. Граница дает объекту определенность, отделяя нечто от всеобъемлющей тотальности, наделяет его качеством внутренней целостности, определяет его содержательность, его «что», дает ему место в структуре целого, т. е. обеспечивает его «где», связывает с другими объектами – не только пространственно, но и сущностно, определяя его «зачем». Очевидно, что в понятии границы соединяется то, что именуется у греков *σχῆμα* (внешние очертания, граница тела) и *οὐσία* (сущность), или *εἶδος*.

Граница позволяет нечто быть отдельным (и увиденным как отдельное и, соответственно, быть названным в языке), позволяет существовать как нечто, как именно то. Но вместе с тем граница дает объекту горизонт, является условием его трансцендирования, развития, изменения. То есть граница соединяет два важнейших качества бытия – пребывание и становление. Само по себе наличие статичной границы придает миру необходимую устойчивость; ее связующая роль гарантирует взаимодействие элементов и структурную функциональность целого; ее потенциальная динамичность обеспечивает его развитие и, следовательно, жизнеспособность.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / вступ. ст. и ред. В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. *Ахутин А.В.* Античные начала философии. – СПб.: Наука, 2007. – 783 с.
3. *Бибихин В.В.* Язык философии. – М.: Язык славянской культуры, 2002. – 416 с.
4. *Вольф М.Н.* Знаки сущего на пути «ест» Парменида // Идеи и идеалы. – 2012. – № 4 (14), т. 1. – С. 97–110.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. – М.: Мысль, 1998. – 1072 с.

6. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2014. – 256 с.

7. Платон. Менон // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; вступ. ст. и примеч. А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 575–612.

8. Платон. Теэтет // Платон. Собрание сочинений в 4 т. / под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; вступ. ст. и примеч. А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 192–274.

9. Платон. Софист // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; вступ. ст. и примеч. А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 275–344.

10. Фрагменты ранних греческих философий: ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. и авт. вступ. ст. И.Д. Рожанский; подгот. А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. – 248 с.

11. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. – СПб.: Наука, 2006. – 452 с.

ON THE ESSENCE OF A BOUNDARY

T.Y. Denisova

Surgut State University

denisovasever86@bk.ru

The paper attempts to problematize the category of a boundary. The factors, that make explication of its metaphysical essence rather difficult, are the following: the category of a boundary belongs to ontological foundations; the main principles; and, on the one hand, it has ambivalent nature, on the other, it is self-evident. To reveal the essence of the boundary phenomenon, the author offers an analysis of its properties and relationships with the other ontological categories: being and nothingness, time and space, the whole and its parts, becoming and staying, immanent and transcendent. The author considers the functions of the boundaries in structuring and order of the whole, and she also determines the location, purpose and meaning of the things in existence. The role of the boundary as a condition for the existent things as well as the condition for their cognition is highlighted in the article. The problem of boundaries reality, which is a joint of realities itself, is presented in the article.

Keywords: being, time, boundary, nonexistence, nothingness, limit, space, things in existence.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-53-64

References

1. Aristotel'. Metafizika [Metaphysics]. Aristotel'. *Sobineniya*. V 4 t. T. 1 [Tractates. In 4 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 550 p. (In Russian)

2. Akhutin A.V. *Antichnye nachala filosofii* [Ancient philosophy's origin]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 783 p.

3. Bibikhin V.V. *Yazyk filosofii* [The language of the philosophy]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 416 p.

4. Vol'f M.N. Znaki sushchego na puti «est'» Parmenida [The signs of being at the way of "is"

of Parmenides]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2012, no. 4 (14), vol. 1, pp. 97–110.

5. Gegel' G.V.F. *Nauka logiki* [The science of logic]. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 1072 p. (In Russian)

6. Mamardashvili M.K. *Lektsii po antichnoy filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2014. 256 p.

7. Platon. Menon [Menon]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 1 [Complete Works]. In 4 vol. Translation from the ancient Greek ed. A.F. Losev]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 575–612. (In Russian)

8. Platon. Teetet [Teetet]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 2. [Complete Works]. In 4 vol. Translation from the ancient Greek ed. A.F. Losev. Moscow, Mysl' Publ., 1993, vol. 2, pp. 192–274. (In Russian)

9. Platon. Sofist [Sophist]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 2 [Complete Works]. In 4 vol. Translation from the ancient Greek ed. A.F. Losev. Moscow, Mysl' Publ., 1993, vol. 2, pp. 275–344. (In Russian)

10. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov*. Ch. 1. *Ot epicheskikh teokosmogonii do vozniknoveniya atomistiki*

[Fragments of the early Greek philosophers' works. Vol. 1. From the epic theocosmogony to the atomism]. Ed. I.D. Rozhanskii, comp. A.V. Lebedev. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p.

11. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2006. 445 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Bytie i vremya*. Translation from German V.V. Bibikhin. 3rd ed., rev. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 452 p.).